Три пояса

В царствование великого князя Владимира, неподалеку от Киева, на берегу быстрого Днепра, в уединенной хижине жили три молодые девушки, сиротки, очень дружные между собою; одна называлась Пересветою, другая — Мирославою, а третья — Людмилою. Пересвета и Мирослава были прекрасны, как майский день; соседи называли их алыми розами, отчего они сделались несколько самолюбивы. Людмила была не красавица, никто ее не хвалил, и подруги ее, которых она любила всем сердцем, твердили ей каждый божий день: «Людмила, бедная Людмила, ты никогда не выйдешь замуж. Кто тебя полюбит, ты не красавица и не богата». Добрая Людмила верила им в простоте сердца и не печалилась: «Они говорят правду; я никогда не выйду замуж. Что ж нужды? Я буду любить Пересвету и Мирославу более всего на свете, буду ими любима, какого счастья желать мне более?» Так думала простосердечная Людмила, и чистая душа ее была спокойна. Ей минуло пятнадцать лет, но еще никакое смутное желание не волновало невинного ее сердца; любить своих подруг, ходить за цветами, распевать песни, как нежная малиновка,— таковы были все удовольствия доброй Людмилы.

В один день все три подруги гуляли по берегу ручья, осененного соснами и березами. Пересвета и Мирослава рвали цветы для украшения головы своей, и Людмила также рвала их — для Пересветы и Мирославы: она воображала, что ей неприлично думать об украшении. Вдруг видят они на берегу ручья старушку, которая спала глубоким сном; солнечные лучи падали прямо на ее голову, седую и почти лишенную волос. Пересвета и Мирослава засмеялись. «Сестрица,— сказала одна,— какова покажется тебе эта красавица?» — «Лучше тебя, Мирослава!» — «И тебя, Пересвета!» — «Шафран едва ли превзойдет желтизною эти прекрасные щеки, покрытые приятными морщинами».— «А этот нос, Пересвета, не правда ли, что он очень скромно пригнулся к подбородку?» — «Сказать правду, и подбородок отвечает своею фигурою красивому носу. Они срослись, сестрица». В продолжение разговора и та и другая беспрестанно смеялись. «Ах, сестрицы,— сказала тихая Людмила,— вам не пристало смеяться над этою старушкою. Что она вам сделала? Она стара: ее ли это вина? И вы состареетесь в свою очередь, для чего же смеяться над тем недостатком, который непременно будете иметь сами. Смеяться над старыми — значит, прежде времени смеяться над собою. Будьте рассудительны, скажу лучше — будьте жалостливы. Посмотрите, как солнце палит голову этой бедной женщины. Наломаем березовых веток, сплетем вокруг нее маленький шалаш, чтоб сон ее мог быть и спокоен и безопасен. Проснувшись, она благословит нас,

будет за нас молиться; а небо всегда исполняет молитвы стариков и нищих, так говорила мне покойная матушка». Пересвета и Мирослава почувствовали вину свою; они наломали вместе с Людмилою березовых веток, сплели шалаш и прикрыли им голову спящей. Она скоро проснулась, увидела над собою тень, удивилась, начала осматриваться — перед нею стояли Пересвета, Мирослава и Людмила. «Благодарю вас, милые незнакомки,— сказала она,— приближьтесь, хочу оставить вам памятник моей благодарности. Вот три пояса; каждая из вас может выбрать для себя тот, который покажется ей лучше и более к лицу». Старушка кладет на траву три пояса: два из них были чрезвычайно богаты, из крупного жемчуга и алмазов; третий был простая, необыкновенной белизны лента, украшенная фиалками. Пересвета и Мирослава бросились на жемчуг и алмазы; Людмиле досталась белая лента. «Благодарю тебя,— сказала она старушке,— этот простой убор мне приличнее. Пересвета и Мирослава прекрасны лицом: им должно иметь и одежду прекрасную; а для меня довольно простой и самой скромной».— «Ты говоришь правду, мой друг,— сказала старушка Людмиле, надевая на нее пояс,— никогда, ни за какие сокровища в свете не снимай с себя этой ленты; не верь людям, которые будут говорить, что он тебе не к лицу; остерегайся обольщения гордости: потеряв этот пояс, ты потеряешь и счастье, с ним неразлучное». Людмила поцеловала старушку и дала ей слово не отдавать никому подарка. Старушка исчезла. Пересвета и Мирослава не могли вслушаться в ее слова; они с восхищением рассматривали свои жемчуги и алмазы и едва успели сказать, что они очень ей благодарны.

Пересвета и Мирослава взялись за руки и побежали в свою хижину. Людмила, заметив, что они имели между собою тайну, шла за ними издали. «Не правда ли,— сказала, наконец, Мирослава, оборотись к Людмиле,— что эта смешная старушка сделала тебе чрезвычайно богатый подарок?» — «Не богатый, но очень для меня приятный; я не люблю пышности».— «Но для чего бы ей не сравнять тебя с нами?» — «Я об этом не подумала. То, что мне дают, приятнее для меня того, в чем мне отказывают».— «Посмотри, как наши алмазы блистают».— «Посмотрите на мою ленту, как она бела!» — «И тебе не завидно?» — «Можно ли завидовать тем, которых любишь? Я довольна, если вы счастливы».— «Ты добрая девушка, Людмила. Останься дома, а мы пойдем в Киев покупать новые платья: наши слишком бедны для таких поясов, которые украшены алмазами и жемчугом. За одну жемчужину можем купить десять пар самого богатого платья». Пересвета и Мирослава пошли в Киев; Людмила осталась дома поливать цветы и кормить своих птичек.

Ввечеру Мирослава и Пересвета возвратились в хижину с великим запасом богатых уборов. «Важная новость, сестрица,— сказала Пересвета Людмиле,— молодой князь Святослав, Владимиров сын, прекрасный, как весенний день, и храбрый, как богатырь Добрыня, хочет выбирать себе невесту. Множество

красавиц, боярских дочерей и даже простых поселянок, собирается в Киев из дальних русских городов, из деревень и хижин. Кто ж запретит и нам искать руки прекрасного князя Святослава? Бог дал нам красоту, а добрая старушка наградила нас богатством. Мирослава и я хотим переселиться в Киев: каждая из нас благодаря своему драгоценному поясу может с честию и отличием показаться в люди. Мы решились и завтра отправляемся в Киев. И ты, добродушная Людмила, можешь за нами последовать; ты будешь смотреть за нашим домом, а наконец увидишь и церемонию выбора, которая должна быть чрезвычайно великолепна».—»Охотно исполню ваше желание, сестрицы,— отвечала с веселою улыбкою Людмила,— буду служить вам от всего сердца: ваше удовольствие составляет мое счастие. Старайтесь пленить прекрасного князя, а я буду молить бога, чтобы он склонил к вам его сердце».

Что сказано, то и сделано. Подруги на другой день, рано поутру, отправились в Киев. Мирослава и Пересвета объявили себя дочерями богатых новогородских посадников. Один из бояр Владимировых записал имена их в число желающих представить себя на выбор князю Святославу. Людмила не показалась никому; она молилась богу о счастии своих подруг, шила им платья, низала для них ожерелья, выкладывала золотым галуном и алмазами их сарафаны; забывая самую себя, она жила для одних милых подруг своих.

Наконец наступил торжественный день выбора. Ввечеру дворец великого князя Владимира осветился тысячами светильников; палата, назначенная для торжества, обита была малиновым бархатом; скамейки, на которых надлежало сидеть красавицам, иногородним и киевским, были покрыты шелковыми коврами с золотою бахромою, а для великого князя Владимира и князя Святослава приготовили возвышенное место, на котором стояли два кресла из слоновой кости с золотою насечкою. На улице, ведущей к княжескому двору, теснилось множество народа, и горели огни разноцветные. Наконец зазвучали бубны — представилось зрелище восхитительное: сто красавиц, цветущих, как весенние розы, идут попарно, среди восхищенной толпы киевлян, ко дворцу великого князя; каждая из них имеет при себе прислужницу: Людмила сопутствует Пересвете и Мирославе. Людмила одета была в белое платье и опоясана своим поясом; русые волосы ее, заплетенные косою, были перевив ты простою лентою. Она приближилась с сильным трепёй том сердца к палате князя Владимира, села позади своих подруг и с тайным, робким предчувствием смотрела на дверь, в которую должны были войти великий князь Владимир и сын его Святослав прекрасный. Долго царствовала глубокая тишина в княжеской палате. Вдруг заиграла военная музыка; двери растворились с шумом; входят попарно бояре и богатыри, одни в богатых парчовых платьях, другие в великолепных военных доспехах, в золотых кольчугах, в блестящих шлемах, осененных белыми перьями. Они разделяются и становятся по обеим

сторонам княжеского трона. Утихает бранная музыка; играют нежные флейты; все глаза обращены на отверстые двери; вдруг является князь Владимир в богатом княжеском уборе; он ведет за руку молодого Святослава, одетого просто, с открытою головою, с разбросанными по плечам светло-русыми кудрями, прелестного, цветущего молодостию: на щеках его играл румянец, свежий, как весенняя роза; в глазах, больших, черных и осененных густыми ресницами, сияло нежное пламя; стан его был гибок и строен, походка величественна, все движения приятны. Ах, Людмила, бедная Людмила, что сделалось с твоим сердцем при первом взгляде на прекрасного юношу? «Для чего я не красавица, для чего я не богата?» — подумала она, вздохнула, опустила глаза на грудь свою, которая волновалась сильнее прежнего; но скоро опять, против воли, устремила их на прелестного князя, который стоял один, посреди обширной палаты, прекрасный, как ангел в виде человека… Но что же она почувствовала?.. Вся душа ее пришла в волнение… глаза ее встретились с глазами прекрасного Святослава. О небо, он подходит к ней. Мирослава и Пересвета встают, думая, что выбор должен пасть на одну из них… Святослав подает руку Людмиле. «Вот она,— говорит он,— вот та, которая представлялась душе моей и наяву и в мечтах сновидения. Ей отдаю и руку и сердце». Людмила едва не лишилась памяти; она не верила своим ушам, трепетала, бледнела, краснела… Святослав подводит нареченную свою невесту к великому князю Владимиру, потом сажает ее подле его на кресло из слоновой кости с золотою насечкою. В палате послышался ропот. «Какой выбор!» — шептали оскорбленные красавицы, смотря на скромную Людмилу, одетую просто и совсем не имущую красоты блестящей. Пересвета и Мирослава были вне себя от досады и зависти. «Кто бы это подумал,— говорили они одна другой,— нам предпочесть Людмилу; какое ослепление!» Мужчины также смотрели на Людмилу, но чувства их были другого рода. «Как она прелестна!— восклицали и старики и молодые,— какая привлекательная скромность, какой невинный взгляд, какая нежная, милая душа изображается на лице ее, приятном, как душистая *маткина-душка!»* Людмила сама не понимала того нежного чувства, которым наполнено было ее сердце; она не смела взглянуть на прекрасного князя Святослава и еще более украшала себя милым своим смятением. Святослав пожимал ее руку и ободрял ее пламенным своим взглядом.

Но великий князь Владимир начал говорить, и все утихло. «Сын мой,— сказал он прекрасному Святославу,— твой выбор приятен моему родительскому сердцу; но красота не одно достоинство супруги; хочу, чтобы она соединена была с качествами и дарованиями более надежными. Избранная тобою невеста превосходит всех других прелестями лица: посмотрим, сравняются ли они с нею дарованиями и умом». Людмила побледнела, услышав слова великого князя Владимира. «Ах! — воскликнула она.— Я ничему не училась! Это минутное

торжество послужит только к тому, чтобы доказать всему свету мое невежество. Отпусти меня, великий князь Владимир; я пришла сюда не для того, чтобы оспаривать у других, более достойных, то счастие, для которого я не рождена судьбою; я пришла насладиться счастием милых подруг моих. Отпусти меня, мой жребий скрываться в бедной хижине, ходить за цветами, довольствоваться уделом низким и никогда не мечтать о пышном троне». Князь Владимир посмотрел с улыбкою благоволения на скромную Людмилу и приказал ей остаться на своем месте. Приносят стройные гусли. Все красавицы, каждая в свою очередь, пели песни в похвалу храбрых витязей или в похвалу нежной любви; каждая изображала то чувство, которое влекло ее душу к прекрасному князю Святославу. Пришла очередь Людмилы: она бледнеет, трепещет; вдруг кто-то невидимый шепчет ей на ухо: «Людмила, ободрись; хранительные взоры мои над тобой, спой ту песню, которую научила тебя твоя мать; ты еще не знаешь, какими дарованиями наградила тебя природа». Людмила узнает голос благодетельной волшебницы, той старушки, которая подарила ей пояс. Она идет к гуслям, садится… о чудо! пальцы ее с легкостию ветерка летают по струнам; голос ее имеет чистоту и звонкость соловьиного: он льется в душу, он возбуждает в ней сладкое восхищение, погружает ее в задумчивость, производит в ней томную мечтательность. Людмила поет ту песню, которую мать певала, качая ее в колыбели:

«Роза, весенний цвет,

Скройся под тень

Рощи развесистой.

Бойся лучей

Солнца палящего,

Нежный цветок!»

Так мотылек златой

Розе шептал.

Розе невнятен был

Скромный совет;

Роза пленяется

Блеском одним!

«Солнце блестящее

Любит меня;

Мне ли, красавице,

Тени искать?»

Гордость безумная!

Бедный цветок!

Солнце рассыпало

Гибельный луч:

Роза поникнула

Пышной главой,

Листья поблекнули,

Запах исчез.

Девица красная,

Нежный цветок!

Розы надменныя

Помни пример.

Маткиной-душкою

Скромно цвети,

С мирной невинностью,

Цветом души.

Данный судьбиною

Скромный удел,

Девица красная,

Счастье твое!

В роще скрываяся,

Ясный ручей,

Бури не ведая,

Мирно журчит!

Людмила замолчала; но голос ее отдавался еще в сердцах слушателей. Молодой князь, в неописанном восхищении, прижимает ее к сердцу: «Нет, ты не можешь быть смертная; ты ангел, слетевший с неба для того, чтобы сделать счастливым Святослава!» — «Ах! я бедная Людмила; сама не постигаю того, что делается со мною; какое-нибудь очарование ослепило ваши взоры. Вы думаете, что я красавица; это обман, я никогда не бывала прекрасною. Святослав, ты хочешь возвести меня на трон; но я рождена поселянкою, рождена для бедной и неизвестной хижины».

Опять заиграла музыка, и началась пляска. Соперницы Людмилы очаровали зрителей своими приятными движениями, своею легкостию, своею быстротою; но Людмила, снова ободренная голосом волшебницы, затмила искусство прелестию простоты: во всех ее движениях было что-то очаровательное — скромность, соединенная с милою веселостию. Она являла глазам невинность, играющую с удовольствием; зрители не могли довольно на нее насмотреться; сердца летели за нею вслед… Но музыка замолчала… Людмила, с потупленными глазами, с разгоревшимся румянцем на щеках, села на свое место, не смела радоваться, не смела взглянуть на Святослава прекрасного.

Давно уже прошла половина ночи. Великий князь берет Святослава за руку, и они выходят из палаты с боярами и богатырями; красавицы удалились,— но еще испытание не окончилось: оно должно было продолжаться три дни сряду. Людмилу отвели в дворцовый терем, убранный великолепно; приставили к ней множество прислужниц. Она осталась одна, погруженная в задумчивость, с новыми, доселе незнакомыми ей чувствами, и с милым образом прелестного Святослава в душе своей.

И мы, оставя на время Людмилу, вспомним о двух подругах ее, Пересвете и Мирославе. «Могли ли мы это вообразить! — сказала Мирослава Пересвете, возвратившись с нею домой.— Нам предпочесть Людмилу! Конечно, они слепы. Нельзя, чтобы это было естественно! Как ты думаешь, Пересвета? Не скрывается ли какой-нибудь талисман в том поясе, который подарила ей старая волшебница? Будучи к нам столь щедрою, могла ли она позабыть Людмилу? Конечно, простой ее пояс драгоценнее наших, осыпанных жемчугом и алмазами. Заметила ли ты, как он блистал на ней вчера ввечеру?» — «Так, Мирослава, ты

говоришь правду: Людмила имеет талисман, которому сама не знает цены: должно его похитить. Тогда увидим, помрачит ли она и тебя и меня своими дарованиями, своею красотою».

На другой день рано поутру Пересвета и Мирослава идут в терем Людмилы; она бросается к ним в объятия, целует их с восторгом и краснеет, внимая неискренним их поздравлениям. «Милые подруги,— говорит им скромная Людмила,— сама стыжусь тех почестей, которыми вчера была я осыпана; сама не понимаю, как могли предпочесть меня, бедную некрасивую Людмилу, вам, прекрасным, богатым, достойным всякого предпочтения».— «Добрая Людмила,— отвечала Мирослава,— странное для тебя кажется для нас весьма естественным; мы не завидуем, но искренно радуемся твоему счастию. Время открыть тебе глаза: перестань почитать себя не красавицей. Бог наградил тебя лицом прелестным; из любви к тебе называли мы тебя дурною: похвалы могли бы испортить твое невинное сердце. Теперь притворство бесполезно, и тебе, наконец, должно узнать, милая Людмила, что ты превосходишь всех других женщин красотою, любезностию, дарованиями».— «Сестрицы, не смеетесь ли вы надо мною?» — «Ах, мой друг, как можешь это о нас подумать? Мы говорим истинную правду. Но позволь нам сделать тебе одно дружеское замечание: ты имеешь два недостатка, весьма важных и препятствующих тебе воспользоваться дарами природы: ты слишком застенчива и слишком небрежна в своей одежде. Нынче ввечеру опять будем представлены великому князю Владимиру и сыну его, Святославу прекрасному; говорят, что в Киев приехала какая-то псковитянка, ангел красотою и чрезвычайно искусная в одежде: бойся, чтобы она не похитила у тебя любви прекрасного Святослава; нарядись как можно лучше. Красоте твоей прилична и одежда пышная; мы принесли тебе на выбор несколько платьев. Надень то, которое покажется тебе к лицу, а мы будет радоваться твоей победе».

Мирослава и Пересвета расстилают перед глазами Людмилы несколько великолепных уборов. Новое чувство родилось в душе невинной девушки; она вообразила себя первою красавицею во всей русской земле и покраснела, взглянувши на простой и бедный убор свой. Она примеряла принесенные платья одно за другим; выбрала самое великолепное; хотела надеть богатый пояс сверх белой ленты, которую получила в подарок от старушки, но по несчастию пояс был слишком мал. Пересвета и Мирослава уговаривают ее пожертвовать бедною лентою пышному жемчужному поясу. Людмила колеблется. Наконец уступает их требованиям, отдает Пересвете белую ленту и надевает жемчужный пояс. «Какой стройный, прелестный стан! — восклицают обе подруги.— Эта псковитянка явилась в Киев только для того, чтобы сделать еще славнее торжество нашей Людмилы. Прости, милая подруга; ввечеру увидимся во дворце князя Владимира». Они разлучились. Людмила, в восхищении от

нового богатого убора, любуется на самую себя в зеркало, примеривает жемчужный пояс, и белая лента совсем забыта. Ах, Людмила, и ты занимаешься красотою своею, как суетная, надменная прелестница, и ты смотришь в зеркало, а прежде и в светлый ручей смотрела ты только для того, чтобы любоваться его чистотою, легкими струйками и блестящими камушками, на дне его рассыпанными.

Наконец наступила желанная минута. Красавицы, бояре и богатыри стекаются в палату великого князя Владимира. Святослав прекрасный с волнением сердца смотрит на дверь, в которую должна войти Людмила; раздаются приятные звуки флейты; входит Людмила, покрытая белым покрывалом и окруженная множеством прислужниц, богато одетых. Святослав летит к ней навстречу, нетерпеливою рукою срывает с головы ее белый покров… Боже, какая перемена! Он не узнает Людмилы. «Что вижу! — восклицает изумленный Святослав.— Кто ты, незнакомка, и где моя Людмила?» — «Я Людмила; ужели ты не узнал меня, Святослав прекрасный?» — «Ты Людмила? Не может быть, это обман!» Ропот негодования послышался в княжеской палате; никто не узнает Людмилы. Святослав удалился; он ищет смятенными взорами в толпе красавиц прекрасной девицы, пленившей его душу, но князь Владимир подымает руку, и все опять умолкло. «Ты называешь себя Людмилою,— говорит он Людмиле, трепещущей и печальной,— верю твоим словам; верю, что красота твоя могла измениться в течение одного дня, но дарования твои должны быть неизменны. Подайте гусли; садись и спой нам ту самую песню, которую ты пела вчера». Людмила, несколько ободренная, подходит к гуслям: о чудо! пальцы ее неподвижны, голос дик и неприятен. Князь Владимир в великом гневе встает с престола, приказывает Людмиле удалиться; испытание отложено до следующего вечера.

Что сделалось с тобою, несчастная, добросердечная Людмила? Ты плачешь, ты мучишься отчаянием, ты страждешь безнадежною любовию! Где твое прежнее спокойствие, где прежняя беспечность невинной души твоей? Сиротка, заливаясь слезами, оставляет Киев и спешит укрыться в бедную свою хижину, на берег светлого источника, под сень развесистых берез, в которых провела она цветущую свою молодость. «Зачем, зачем я оставляла тебя, спокойная моя хижина!» — так думала бедная Людмила, идя через рощу по знакомой излучистой тропинке. Приближается к хижине и видит, что в ней горит огонь, испугалась, не знает, войти ли в нее или нет. Наконец решилась, отворяет дверь: что же? В хижине сидит старушка волшебница, ее знакомка. Людмила остолбенела от удивления, несколько минут не говорила ни слова; наконец пришла в себя и залилась горькими слезами. «Ах! — сказала она старушке,— ты одна причиною моего несчастия! Для чего погибельным своим очарованием возвела ты меня вчера на трон, которого я не искала, о котором никогда не

могла думать, и для чего теперь, когда пленительная надежда ослепила мою душу, когда любовь, произведенная тобою в моем сердце, сделалась для меня драгоценнее и самых почестей трона, я вдруг лишена всего, покрыта стыдом, и от кого же? От тебя, которой я не сделала никакого зла; которой, напротив, хотела сделать добро, не ожидая никакой за то награды? Ах, для чего обольстила ты глаза прекрасного Святослава? Для чего вложила мне в душу безнадежную любовь? Что ты будешь теперь, бедная Людмила, в своей уединенной хижине? Прекрасные места, в которых я родилась и провела мою молодость, теперь вы для меня темница! Душа моя в стенах пышного града Киева. Никогда не забуду о том, чего я лишилась, чем обладала одну минуту. Какое земное счастие может служить заменою того милого взора, который устремил на меня Святослав прекрасный, которым воспламенилось мое сердце, прежде спокойное, прежде веселое. Ах, душистые мои цветы, вы увянете, кто будет вас поливать, кто будет за вами смотреть? Милые голосистые птички, вы перестанете слетаться к моей хижине: кто будет приносить вам зерна и вторить вам своею веселою песенкою? Буду сидеть на большой дороге, смотреть на отдаленный Киев-град и посылать в него свою душу. Что сделала я тебе, волшебница, чем навлекла на себя твое гонение!»— «Выслушай меня, добросердечная Людмила,— отвечала волшебница,— мне легко перед тобой оправдаться. Я полюбила тебя с первого взгляда и в знак благодарности подарила тебе очарованный пояс, который имеет силу украшать всякую женщину. Девушка, обладающая им, торжествует над всеми своими соперницами, имеет все приятности, все дарования; но без него и приятности и дарования сии теряют всю свою силу: им удивляются, но перестают их любить. Для чего же, Людмила, не сберегла ты данного мною тебе сокровища? Для чего *пояс скромности* променяла на *пояс суетности?*Лишась талисмана, которому ты была обязана своим торжеством, ты потеряла и прелести, с ним соединенные; самые взоры твоего любовника не могли узнать тебя в новом твоем наряде».— «Ах! — воскликнула Людмила,— бедная, жалкая моя участь, я сама всему причиною, сама лишила себя своего счастия! Нет, уже никогда не видать мне прежнего времени. Улетело веселие души моей; умчались вы, прежние мои радости; никогда не переставать мне обливаться слезами: другая овладеет теперь душою Святослава прекрасного». Людмила закрыла обеими руками лицо свое и плакала горько. «Утешься, мой друг,— сказала волшебница, взяв ее за руку с нежною улыбкою,— тебя обманули твоя неопытность и хитрость завистливых твои подруг, Мирославы и Пересветы; но ты невинна в сердце. Возвращаю тебе потерянный пояс. Я следовала невидимо за Пересветою и Мирославою, когда они пошли от тебя со своею добычей. Между ними начался ужасный спор: каждая хотела иметь пояс, но он не достался ни одной: я унесла его и теперь возвращаю той, которая одна достойна обладать им по своему добросердечию и своей скромности». Людмила бросилась целовать руки

благодетельной волшебницы, которая обтерла ей слезы, поцеловала ее в розовые щеки и опоясала своею очарованною лентою. Вдруг, по слову волшебницы, кровля низенькой хижины расступилась; глазам изумленной Людмилы предстала великолепная колесница, в которую запряжены были два оленя с серебряною шерстию, с золотыми рогами и крыльями. На месте безобразной старушки явилась молодая женщина восхитительной красоты, одетая в очарованную одежду, из розовых лучей сотканную, и опоясанная белым поясом, на котором блистали золотые знаки зодиака. Добрада — так называлась волшебница — посадила Людмилу в колесницу; златорогие олени распустили свои золотые крылья, и менее, нежели в миг, колесница очутилась перед стенами великолепного града Киева. Волшебница привела Людмилу в уединенный терем, запретила ей выходить из него до наступления вечера, благословила ее и скрылась.

Наступил вечер. Людмила, одетая очень просто, опоясанная белою лентою, вошла в палату великого князя Владимира и села на прежнее свое место, позади Пересветы и Мирославы. Они ее не приметили; они смеялись между собою над глупою ее легковерностию и говорили друг другу о гордых своих надеждах. Но Людмила не думала о них; взоры ее видели одного Святослава. Он сидел подле великого князя Владимира, на креслах из слоновой кости с золотою насечкою, задумавшись, склонивши на руку свою голову, не удостоивая ни одним взглядом окружавших его красавиц: душа его требовала одной Людмилы, один очаровательный образ Людмилы носился перед ним, как милый, пленительный призрак потерянного блаженства! Вдруг, о радость! он видит ее на том же самом месте, на котором увидел в первый раз, в той же простой одежде; видит ее, с сердечною, нежною любовию устремившую на него свои взоры. «О Людмила!» — восклицает он и бросается перед нею на колени. «Да здравствует прелестная Людмила!» — воскликнули единогласно бояре, богатыри и витязи. Святослав, вне себя от восхищения, прижимает к сердцу милую свою невесту, которая с своим потупленным взором, с пылающими щеками своими казалась ангелом красоты и непорочности, подводит ее к престолу великого князя Владимира и сажает по правую руку его на кресла из слоновой кости с золотою насечкою. Пересвета и Мирослава побледнели от зависти и досады. Заиграла музыка, и все опять должны были уступить Людмиле в искусстве пляски и пения. Опять затмила она своих соперниц, которые все единодушно, выключая одних Пересветы и Мирославы, согласились признать ее победительницею и даже радовались ее победе: столь сильны очарования скромной красоты, добродушия, непорочности. Вдруг раздается в палате пронзительный вопль… Что такое? Страшные змеи с отверстою пастию, с острым жалом, с горящими глазами обвивались вокруг Пересветы и Мирославы вместо жемчужных поясов. Людмила бросается к ним на помощь,

желает спасти их от угрызения сих страшных чудовищ; ее усилия напрасны. Зрители цепенеют от ужаса. Вдруг послышалось тихое пение, соединенное со звуками магических струн; в воздухе распространился приятный запах роз и полевых фиалок; предстала волшебница Добрада, окруженная тихим розовым сиянием. Людмила бросилась перед нею на колени. «Спаси Пересвету и Мирославу!» — воскликнула она, простирая к ней руки. «Добрая Людмила,— отвечала волшебница,— соглашаюсь простить их из любви к тебе. Змеи, которыми они обвиты, суть ядовитые змеи *самолюбия и зависти.* Прикоснись к ним своей белою лентою, и они исчезнут». Людмила исполнила приказание Добрады, и змеи исчезли. Пересвета и Мирослава кинулись в объятия своей добросердечной подруги; они поклялись питать к ней искреннюю дружбу; они полюбили ту, которую за минуту ненавидели, которую желали ввергнуть в погибель.

Великий князь Владимир благословил своего сына и Людмилу. «О Святослав,— сказала прелестная невеста прелестному жениху своему, показывая на волшебницу Добраду,— вот моя благодетельница, вот та, которой обязана я твоим сердцем! Ах, за три дня перед сим была я не иное что, как бедная Людмила, простая поселянка; но теперь… Нет, никогда не была бы я замечена взорами Святослава прекрасного, когда бы могущество благодетельной Добрады не украсило меня теми приятностями, теми дарованиями, в которых мне отказала природа. Так, Святослав, в этом очарованном поясе заключены и красота моя и все мои таланты».

Скромное сие признание украсило еще более в глазах Святослава его прелестную Людмилу. «Друг мой,— сказала Добрада,— храни этот пояс, драгоценный дар моей дружбы: ничто не может лучше его украсить женщины, где бы она ни была, в бедной ли хижине, в чертогах ли княжеских; нося его, ты будешь обожаема своим супругом, своими друзьями и подданными, обожаема до последней минуты».

Добрада исчезла. Нужно ли сказывать о том, что случилось после? И можно ли вообразить, чтобы Святослав не был счастлив, обладая Людмилою?

ПРИМЕЧАНИЯ

Крупнейший представитель русского романтизма родился в Тульской губернии (близ города Белева). Образование получил в Благородном пансионе для дворянских детей при Московском университете. Участник Отечественной войны 1812 года. В 1810-е годы Жуковский становится первым поэтом России. В 1816 г. философский факультет Дерптского университета присваивает Жуковскому звание доктора философии. Через два года его избирают в члены Российской Академии. С 1815 г. он был приближен к царскому двору, а с 1826 г.

ои становится воспитателем наследника престола Александра Николаевича.

Тесная дружба связывала Жуковского с Пушкиным.

Творчество Жуковского пропитано соками европейской и мировой культуры, но корнями уходит в национальную почву. Известно, что он собирал русский фольклор. Одной из своих знакомых (А. П. Юшковой) он писал: «Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их россказни. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания. В сказках заключаются народные мнения, суеверные предания дают понятия о нравах их и степени просвещения, и о старине».

Жуковский писал в основном стихотворные сказки. Замечателен его стихотворный перевод «Ундины» (1831—1836) Ламот Фуке, о котором восторженно отозвался Белинский: «Нельзя довольно надивиться, как искусно наш поэт умел слить фантастический мир с действительным миром, и сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении».

«Сказка о спящей царевне» (1831) была написана одновременно с пушкинской «Сказкой о царе Салтане...» в виде поэтического состязания. В ее основе прозаическая сказка братьев Гримм «Шиповник», которую Жуковский ранее (1826) перевел в прозе.

Стихотворной обработкой немецкой «Сказки о миндальном дереве» является «Тюльпанное дерево» (1845).

Сказка «Три пояса» — вольный перевод восточной сказки, печатается по изд.: Жуковский В. А. Соч.— М., 1954.